

ФАКТЫ РУССКО-ПЕРСИДСКОЙ РЕЧЕВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКА

Хатеф Хаги Таране, Белорусский государственный университет

Условием возникновения языковой интерференции является языковой контакт, т. е. речевое общение между двумя языковыми коллективами или при обучении студентов, — учебная ситуация. Студенты языковых отделений даже при хорошем владении иностранным языком зачастую допускают ошибки, причиной которых является межязыковая интерференция — влияние системы родного языка на иностранный, а впоследствии, при длительном «погружении», изучаемый язык начинает оказывать влияние на родной.

Мы рассматриваем такое явление интерференции, при котором обучаемый приравнивает единицы одного языка к единицам другого по причине их сходства в реализации (заполнении) синтаксических позиций. Глубина и объем интерференции могут быть разными. Считается, что чем меньше типологическое расстояние между родным и изучаемым языками, чем больше степень их сходства и меньше различие, тем больше вероятность появления интерференции.

Например, русское предложение *Где ты купил?* иранец может построить как *Откуда ты купил?* под влиянием структуры персидского предложения «ژکجا خریدی؟», где *йз* (от) *коджа* (куда) *хярид-* (купил-) и (окончание, указывающее на лицо (ты)). Знак *коджа* имеет в персидском языке два значения: «где?» и «куда?». В связи с этим в сознании иранца происходит **контаминация** двух **разных** и актуальных для русского сознания семантических моделей: семантики **места** «где?» и семантики **направления** «куда?».

Приведем наиболее распространенные ошибки, которые встречаются у иранцев, изучающих русский язык.

1. Первая группа ошибок связана, как мы указали выше, с контаминацией двух значений: **места** и **направления**. Например:

Я иду здесь. Идти там. — Вместо: *Я иду сюда. Идти туда.*

Это связано с полисемией персидского слова «اینجا» (инджа):

а) здесь, тут; б) сюда.

2. Вторая группа ошибок вызвана смешением значений русских слов.

Иранец может сказать:

Я мою рубашку. — *Я стираю рубашку;*

Он стирает машину. — *Он моет машину;*

Он стирает голову. — *Он моет голову;*

У него хороший звук. — *У него хороший голос.*

Он сломал зеркало. — *Он разбил зеркало.*

Она сломала мое сердце. — *Она разбила мое сердце.*

Таким образом, на начальном этапе обучения русскому языку иранцам необходимо показать различия **русской и персидской пространственной картины мира**. С этой целью необходимо предлагать такие контексты употребления русских слов, чтобы обратить внимание студентов именно на

лексическую сочетаемость, под которой понимается закрепленная языковой традицией последовательность языковых единиц. Мы говорим *табун лошадей, рой пчел, лакомый кусочек*, но нельзя сказать: *табун пчел, рой лошадей, лакомая колбаса*. Намеренное нарушение лексической сочетаемости является в русском языке продуктивным способом образования **метафоры** (*стереть пыль — стереть из памяти; играть на рояле — играть на нервах*).

Необходимо показать разное значение метафор в русском и персидском языках. Например: метафора «он еще зеленый» в русском языке обозначает «он неопытный»; на персидском языке — «он удачливый». Фразу «Он набросился на оппонента, как тигр» носитель русского языка понимает так: «Он был очень уверен в себе». Для иранца это выражение означает «Он поругался с оппонентом», так как происходит сравнение с подобной метафорой в персидском языке «Он набросился на оппонента, как собака» в значении «поругаться».

В исследовании категорий персидского и русского языков мы опирались на достижения **комбинаторной семантики**. Различия в способах представления *семантических категорий* связаны с объективными различиями в **модели мира** носителей языка.

Например, в современном персидском языке к одушевленным существительным относятся **только** лексемы с общей семантикой «человек». В русском языке «**кот**» является одушевленным, поэтому его можно заменить местоимением «он». В персидском языке «**кот**» является неодушевленным, и иранцы могут заменить его местоимением «это». Сравним: *На даче бегают кот. Он с соседней улицы. Его недавно привезли из города.* — *На даче бегают кот. Это с соседней улицы. Это недавно привезли из города.*

Вопросительным словом для одушевленных существительных является «ки» (кто? кого?) и для неодушевленных — «чи» (что? чего?). Следовательно, иранцы из таких вопросов, как «Кто бегают? Кого недавно привезли из города? Кого ты видел вчера?» понимают, что речь идет об одушевленном объекте, т. е. только о человеке. Чтобы задать вопрос в нашем примере о коте, они скажут:

در خانه بیلافی چی هست؟ چی از شهر آورده اید؟

Что на даче? **Что** привезли из города?

Приоритетным уровнем языковой системы выступает **семантический синтаксис**, поскольку он позволяет *непротиворечиво* описать *модель мира*. Мы предлагаем переводить структуру русского предложения в соответствии с универсальными семантическими категориями, рассматриваемыми с позиций **комбинаторной семантики**.